

МОСКВА И НОВГОРОД НАКАНУНЕ ШЕЛОНСКОГО ПОХОДА

Широко распространено мнение, что Яжелбицкий мир 1456 г. означает существенный перелом в московско-новгородских отношениях.¹ Тем не менее летописные источники свидетельствуют, что именно на конец 50-х—начало 60-х гг. приходится период серьезного обострения в этих отношениях. Поездка Василия Темного с сыновьями в Новгород в январе 1460 г. не привела, по-видимому, к устранению противоречий между московским правительством и новгородской правящей верхушкой, хотя и не сопровождалась открытым разрывом.² Суть этих противоречий именно в том, что Яжелбицкий договор отнюдь не повлиял на политическую ориентацию новгородских верхов, продолжавших проводить антимосковскую политику и, в частности, усиливших попытки сближения с Литвой. Наибольшего обострения отношения Москвы с Новгородом достигли в 1462—1463 гг. Отвергнув требования, предъявленные московским посольством в январе 1462 г.,³ новгородские власти прервали на целый год переговоры с Москвой. Но и новый раунд переговоров, происходивший в январе 1463 г. в Москве между новгородской делегацией во главе с архиепископом Ионой и московским правительством, также оказался безрезультатным («о блазень миру не успеха ничто же»), хотя московские власти «добре чтивше» новгородских послов).⁴ Конфликт продолжал обостряться. Одно из проявлений антимосковской линии, проводившейся в этот период новгородским

¹ По мнению А. Е. Преснякова, этот договор в определенной форме «оставил принадлежность Новгорода к составу великого княжения (Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства: Очерки по истории XIII—XV столетий. Пг., 1918. С. 411—412). В. Н. Бернадский подчеркивает, что договор «имел чрезвычайно большое значение в истории взаимоотношений Новгорода и великого князя . . . окостеневшей новгородской „старине“ была противопоставлена систематически изложенная программа, которая . . . требовала коренного пересмотра взаимоотношений между Новгородом и великими князьями» (Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 259). Л. В. Черепнин считает, что «мир, заключенный в Яжелбицах, стал поворотным моментом в развитии московско-новгородских отношений» (Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 821).

² О бурных событиях в Новгороде, связанных с этой поездкой и отразившихся в Ермолинской, Софийской и Львовской летописях, см.: Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля. . . С. 260—261; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. . . С. 822—824.

³ Не излагая эти требования по существу, новгородский летописец характеризует их как «много замышления» Василия Темного (ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 206—207).

⁴ Там же. Стб. 211; Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля. . . С. 265; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. . . С. 824.

руководством, — враждебная позиция, заятая Новгородом по отношению к союзнику Москвы — Пскову, втянутому весной—летом 1463 г. в очередной военный конфликт с Орденом: новгородцы не только не оказали Пскову никакой помощи, но и возложили всю вину за этот конфликт на свою «мнимую братью».⁵ Антимосковская направленность новгородской политики перерастала тем самым в антирусскую. Крайнее проявление этой политики — два посольства новгородских властей летом 1463 г. в Литву. Одно из них — Олферия Васильевича Слизина — было отправлено к королю Казимиру «о княжи возмущении еже на Великий на Новгород Ивана Васильевича», другое — Микиты Легоптьева — «к князю Ивану Андреевичу Можайскому и к князю Ивану Дмитриевичу (Шемяичу)» с призывом «побороть по Великий Новгород от князя великого». И беглые удельные князья, живые носители традиций феодального раздробления Русской земли, «иматася побороть како Бог изволи».⁶ Таким образом, летом 1463 г. новгородские власти пошли на полный отказ от основных условий Яжелбицкого мира, на полный разрыв с Москвой и обратились к королю и к князьям — эмигрантам — с открытым призывом об интервенции против складывавшегося Русского государства.⁷

Внезапно в политической ситуации произошла резкая перемена. Не объясняя ее причин и вообще не давая никаких разъяснений, новгородский летописец в абстрактной форме сообщает, что «тое зимы умпри . . . преподобного Варьлама молением за град наш . . . сохраняя нас, яко зиницю ока».⁸ Войны не произошло, сохранился мир — вот в чем суть туманной сентенции летописца. О причинах и характере такой внезапной перемены можно только гадать. Наиболее вероятным мне кажется предположение, что зимой 1463/64 г. в Новгороде к власти пришла умеренная партия, стремившаяся избежать военно-политического конфликта с Москвой.⁹ Косвенное проявление этой новой ориентации — торжественная встреча в Новгороде весной 1464 г. грека Иосифа, поставленного перед тем в Москве на митрополию в Кесарию Филиппову.¹⁰ Эта торжественная встреча имела, надо думать, не только церковное, но и политическое значение: новгородские власти во главе с архиепископом демонстрировали

⁵ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 213. По объяснению псковского летописца, конфликт начался 21 марта нападением немцев на городок, поставленный псковичами на пограничной с Орденом территории (Пл. М., 1955. Т. II. С. 151). См.: *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля. . . С. 266; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: Конец XIV—начало XVI в. Л., 1975. С. 133—135; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства. . . С. 842.

⁶ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 214.

⁷ Ср.: *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля. . . С. 267.

⁸ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 214.

⁹ Как свидетельствуют исследования В. И. Бернадского и В. Л. Янина, источники не дают возможности точно установить персональный состав новгородского руководства именно в эти годы. «Посадничество 1460-х гг. — наименее освещенный свидетельствами источников период», — справедливо замечает по этому поводу В. Л. Янин (*Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 293).

¹⁰ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 215.

свою поддержку московской церковной политике, направленной на усиление международного авторитета русской митрополии. Прямое указание на перемену новгородской политики содержит Псковская III летопись. Она приводит сведения о новгородском посольстве в Москву (между декабрем 1463 г. и мартом 1464 г.) в составе посадников Федора Яковлевича и Ивана Афанасьевича и житых Родиона и Ивана Пантелеева; на это посольство и переговоры с ним сослался великий князь в беседе с псковскими послами в марте 1464 г.¹¹ По словам великого князя, новгородцы жаловались ему на псковичей и просили воеводу на них, но он, великий князь, «им есми ходити на вас не велел» и заодно сделал новгородцам выговор за то, что они не пропустили к нему псковских послов («яз о том на них добре помолвил»). Это известие псковского летописца свидетельствует не только о возобновлении прямых контактов Новгорода с Москвой, но и о готовности новгородцев следовать в фарватере московской политики, признавая авторитет великого князя.

Одной из причин поворота новгородской политики является, по-видимому, осторожная, умеренная линия, взятая московским правительством в отношении к Новгороду в этот критический период. В 1463—1464 гг. московское руководство не поддержало требования псковичей о создании в Пскове самостоятельной епископской кафедры, т. е. о церковном отделении Пскова от Новгорода (что нанесло бы прямой удар интересам новгородского владыки).¹² В 1469 г. Москва точно так же не поддержала церковную реформу, проведенную псковскими властями и имевшую целью ослабление власти архиепископа над псковской церковью.¹³ Это свидетельствует о нежелании обострять отношения с Новгородом, о стремлении московского правительства к сохранению мирных отношений с боярской республикой. Едва ли это миролюбие можно рассматривать как колебание в проведении линии политической централизации, взятой московским правительством. Вероятнее, что стремление избежать вооруженного конфликта с Новгородом имело в своей основе надежду добиться своих целей относительно мирными, не насильственными средствами, используя поддержку сторонников Москвы в составе новгородского общества. Война с Новгородом, наиболее крупным и сильным представителем старой системы политической раздробленности, была чревата серьезными международными осложнениями, прежде всего угрозой литовской интервенции, а главное внимание московского правительства и главные силы его войск были прикованы к юго-восточному направлению, где в эти годы назревала и развергивалась большая война с Казанским ханством (1467—1469 гг.).¹⁴ Так или иначе, вторая половина 60-х гг.

¹¹ ПЛ. Т. II. С. 158—159. Федор Яковлевич — представитель Прусской улицы; Иван Афанасьевич Немир — из бояр Славенского конца (Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 379, 383 и др.).

¹² ПЛ. Т. II. С. 157—159.

¹³ Там же. С. 165—168.

¹⁴ Ср.: Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. . . С. 844.

характеризуется относительно мирным, спокойным течением новгородско-московских отношений.

Однако благоприятная перемена в московско-новгородских отношениях, наступившая в 1463/64 г. и связанная предположительно с приходом к власти в вечевой республике партии сторонников Москвы, не означала и не могла означать коренного перелома в новгородской политике. Противоречия между феодальной республикой и складывавшимся вокруг Москвы новым единым государством были слишком глубокими и по существу своему непримиримыми. Борьба между Москвой и Новгородом в 60—70-х гг. — один из постоянно действующих факторов, определяющих политический климат Русской земли. По существу своему это — борьба за тот или иной путь дальнейшего политического развития Руси. Останется ли она конфедерацией земель, слабо связанных между собой номинальной властью великого князя, или превратится в государство с единым политическим центром — вот основной вопрос, составляющий суть московско-новгородского противоборства.

К началу 1470 г. тучи на политическом горизонте Новгорода снова стали сгущаться. Одно из проявлений этого — обострение новгородско-псковских отношений по поводу церковных дел. Отмена в Пскове церковной реформы 1468 г., проведенная с санкции Москвы, но по требованию архиепископа Феофила, не способствовала разрядке отношений между двумя вечевыми республиками, напротив, после этого взаимная неприязнь усилилась. Только под прямым давлением великого князя новгородские власти освобождают захваченных ими и посаженных в «поруб» псковичей. Обвинение архиепископа Ионы в симонии, содержащееся на страницах Псковской летописи, свидетельствует о росте в Пскове антиновгородских настроений. Активное вмешательство новгородского владыки в церковную жизнь Пскова — явление, связанное, возможно, с общим поворотом новгородской политики в этот период.

Известия московских летописей после 1462 г. не дают никаких сведений о московско-новгородских отношениях. Как мы знаем, в этот период московское правительство стремилось избежать открытого разрыва с Новгородом и сохранить мирные отношения, опираясь на своих сторонников в составе новгородской правящей верхушки. Москве удалось добиться временного смягчения конфликта Новгорода с Псковом; она фактически выступила в защиту интересов архиепископа, не дав согласия на церковную автономию Пскова. Со своей стороны и новгородская летопись после 1463 г. не содержит никаких антимосковских выпадов. Но в последние месяцы 1470 г. в отношениях между Москвой и Новгородом происходит резкий перелом.

Что же произошло в Новгороде в последний год самостоятельного политического бытия феодальной республики? Ответ на этот вопрос крайне затруднен из-за отсутствия новгородских источников.

Московская точка зрения на события, непосредственно предшествовавшие войне с Новгородом, отразилась в двух памятниках: один из них — рассказ Московской летописи, другой — «Словеса

избранные», читающиеся в летописях Софийско-Львовской и Новгородской IV по списку Дубровского.

Рассказ великокняжеской летописи начинается с избрания нового архиепископа Феофила.¹⁵ Избрание совершилось «по старине», путем жребия. После избрания архиепископа новгородцы «послаша к великому князю . . . посла своего Никиту Ларионова, бити челом и опаса просити», чтобы новый владыка мог приехать в Москву для своего официального поставления митрополитом — «яко же и преже сего было при предних князех». Великий князь «посла их почтив, отпусти со всем, о чем ему бил челом», подчеркнув в своем ответе традиционность существующих отношений: «как было при отце моем. . . , и при деде и при прадеде моем, и при преже бывших всех великих князей». При этом великий князь счел нужным особо отметить общерусский характер своей власти: «их же род есмы, Володимерьских и Новагорода Великого и всеа Руси».

Конфликт в Новгороде начался после возвращения посла. Хотя сам архиепископ и «мнози же тамо сущи людие лучшии, посадници их и тысяцкие и житие людие велми о сем ради быша», но тут же, по-видимому на вече, на котором посол Ларионов «сказа им жалованье великого князя», обозначилась активная оппозиционная группировка. Это «некоторые же от них, посадници дети Псака Борецкого с матерью своею Марфою и с прочими иными изменники». Именно они, «научени дьяволом . . . на погибель земли своей и себе на пагубу», сформулировали свою политическую платформу: «не хотим за великого князя Московьского, ни зватися отчиною его. Волны есмы люди Велики Новгород, а Московской князь велики многи обиды и неправду над нами чинит, но хотим за короля Польскаго и великого князя Литовского Казимера». Согласно версии московского летописца, выдвижение этого лозунга положило начало открытому расколу в новгородском обществе: «измѣнници», по словам летописца, «начаша наймовати худых мужиков вечников, на то за все готови суть по их обычаю». Эти «наймиты тех измѣнников — камень на тѣх метяху, которые за великого князя хотят». Дело дошло, по-видимому, до открытых столкновений с применением силы.

Московский летописец противопоставляет «изменницам» сторонников великокняжеской ориентации, к которым, по его данным, относятся «мнози. . . старыи посадници и тысяцкие, лучшие люди, тако же и жытыи люди». Сторонники Москвы «глаголаху: не лъзѣ, брате, тому так быти . . . за короля нам даться, и архиепископа поставити от его митрополита, латинина суща».

В своем обращении сторонники Москвы делают упор на два момента: во-первых, что Новгород «изначала отчина есмы тѣх ве-

¹⁵ ПСРЛ. М., 1949. Т. 25. С. 284. Этот рассказ, вошедший в свод 1472 г., приведен в Симеоновской, Прилуцкой, Уваровской, Вологодско-Пермской, Никаноровской летописях. Позднейшие летописи — Воскресенская и Никоновская — помещают этот рассказ с небольшими редакционными изменениями. В сокращенном виде его использует Холмогорская летопись.

ликих князей, и от первого великого князя нашего Рюрика», во-вторых, что никогда «от того святого и великого князя Владимира» новгородцы «за латыниною . . . не бывали, и архиепископа от них не ставляли себѣ»; впервые связываются два принципиально важных вопроса — о политической власти и церковном подчинении.

Однако прения заканчиваются победой «злодейцев»: они добиваются посылки к королю Казимиру официального посольства в составе Паифила Селивантова и Кирила Макарьина. Король принимает посольство и дары «с любовью» и шлет в Новгород князя Михаила Олельковича. «Новгородци же приаща его честиѣ». Прежний князь Василий Горбатый-Суздальский отправляется на Заволочье.

Действия новгородцев вызвали прямое обращение великого князя с призывом не отступать от «старини» и с обещанием «жаловати». Обращение не имело успеха: «предиречении. . . Исаковы дѣти и с прочими с их поборники» только активизируют свои выступления. Они еще «наимоваху злых тѣх смердов, убици, шилников и прочих безыменитых мужиков», усиливая давление на своих противников.

За этим следует разрыв: великий князь, «потужиси о них немало», возвещает митрополиту, своей матери и «сущим у него боаром его» о своем решении «пойти на Новгород ратью». Начинается Шелонский поход.

При оценке рассказа Московской летописи прежде всего бросаются в глаза два момента. Во-первых, его крайняя официозность, доходящая до того, что новгородские сторонники московской ориентации говорят в его тексте теми же словами, что и сам великий князь. Во-вторых, хронологическая несообразность. Из других источников известно, что князь Михаил Олелькович прибыл в Новгород через три дня после смерти архиепископа Ионы (8 ноября 1470 г.), следовательно, прения на вече о подданстве и церкви и посольство к Казимиру должны были иметь место задолго до избрания Феофила и посылки в Москву Никиты Ларионова. И отсутствие точных дат, и велеречивый стиль свидетельствуют, что перед нами не собственно летописное известие, а составленный в московских верхах рассказ, носящий в значительной степени публицистический, пропагандистский характер. Цель рассказа — объяснить мотивы великокняжеского правительства начать войну с Новгородом.

Хронологические неточности и явная тенденциозность не мешают рассказу быть в высшей степени интересным историческим источником. Ценность его именно в том, что он вышел из московских правительственных сфер, следовательно, отражает свойственный им взгляд на события, их представление о реальной действительности, их систему политических ценностей. Рассказ, проанализированный под этим углом зрения, дает возможность сделать несколько существенных выводов.

Во-первых, в нем всячески подчеркиваются миролюбие и долготерпение великого князя: он не хочет войны, рассматривая ее только

как крайнее, последнее средство в решении конфликта. Мирным, естественным путем было бы добровольное признание новгородцами власти великого князя: только их отказ от этого заставляет прибегнуть к насильственным мерам. Думается, что подчеркивание миролюбия великого князя — не случайность. Война против одной из русских земель, русских против русских, представляется современникам крайне непопулярной, негативной акцией. Сознание общности интересов русских земель пустило достаточно глубокие корни: обнажая меч против одной из них, великий князь считает необходимым представить эту акцию в возможной менее отрицательном свете.

Второй момент, не менее настойчиво подчеркиваемый, — традиционность, «старина» подчинения Новгорода великому князю. Выступая против Новгорода, великий князь защищает «старину», нарушенную новгородцами. Мотив «старины» — один из наиболее популярных в традиции средневекового мышления, основанного на исконных ценностях, уходящих корнями в библейские категории. «Старина» отождествляется с правом. Защита «старины» — правомерное действие, так же как нарушение ее есть само по себе нарушение права. В глазах великого князя «старина» — это исконное, изначальное, со времен Рюрика подчинение всех русских земель великокняжеской власти, т. е. средневековая интерпретация политического единства Русской земли. Следует подчеркнуть, что с таким историческим обоснованием претензий великого князя мы встречаемся в источниках впервые. Московский официоз стремится мыслить в широких исторических и политических категориях, в масштабах истории всей Русской земли. Прежде таких примеров не было. Рассказывая, например, о походе на Новгород в 1456 г., летописец ограничивается лапидарным оборотом: «князь великий Василий Васильевич за несправление новгородцев поиде на них ратью».¹⁶

Третий момент — связь политического единства Русской земли с единством церковным. Это тоже «старина», идущая на этот раз от князя Владимира. Защита «старины» политической перерастает в защиту «старины» церковной.¹⁷ Церковные вопросы, фундаментально важные для средневекового общественного сознания, вплетаются в канву политической борьбы. Поход против Новгорода — это поход не только против изменников государства, но и против отступников церкви, он приобретает характер нравственного императива.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 274.

¹⁷ Вопрос об отношениях Новгорода с киевским митрополитом стоял уже давно. Митрополиты Иона и Феодосий неоднократно обращались к Новгороду с призывом не признавать литовского ставленника Григория и не иметь с ним сношений (РИБ. СПб., 1880. Т. VI. № 86, 95). Этому же вопросу посвящено послание Ивана III архиепископу Ионе. (Там же. № 100). Однако ни в одном из этих посланий не подвергается сомнению верность новгородской архиепископии московскому митрополиту и не ставится вопрос о государственной принадлежности Новгорода.

Кто же выступает в роли нарушителя «старинны», изменника, отступника? Кто, собственно, является врагом великого князя всея Руси, врагом русской церкви и всей Русской земли? Московский летописец отвечает на этот вопрос недвусмысленно и однозначно. Это кучка новгородских изменников, группирующихся вокруг Марфы Борецкой и ее синовей. Именно от этой группировки и исходит все зло. Ей противостоят блага хотящие и благомыслящие «лучшие люди», рассуждающие в духе лучших великокняжеских традиций. В борьбе с ними «изменники» и «злодейцы» опираются на своих «наймитов». Кто же это такие? «Худые мужики», «смерды» (явно бранное слово, никаких смердов на новгородском вече не было и быть не могло), «шильники» (шпана, выражаясь языком XX в.) и прочие «безименитые мужики», для характеристики которых летописец не скупится на выразительные эпитеты. Соблазнительно было бы сказать одним словом — это новгородская «чернь», плебс городской общины.¹⁸ Однако от этого соблазна необходимо воздержаться, если строго следовать памятнику, как мы это пытаемся делать. Летописец нигде не говорит об антимосковских настроенных основной массы новгородского общества, т. е. именно плебса, «черных людей» как таковых. В его изображении событий союзниками Борецких выступают не черные люди как социальный слой, а только «наймиты», подкупленные литовской партией. При прочтении летописца к «старым посадникам» и «лучшим людям» казалось бы естественным его противоположное отношение к городским низам. Но он дважды подчеркивает, что на стороне Борецких именно «наймиты», действующие отнюдь не самостоятельно, а только по их наущению. Такая интерпретация борьбы на вече имеет принципиально важное значение. Вся вина возлагается на кучку посадничьих детей «с прочими с их поборницы», они и есть изменники, «безименитые мужики» — только их орудие, не более того. Резко отрицательно относясь к вечевым порядкам («людие невогласи государем зовут себя Великим Новгородом»), реалистически мыслящий московский официоз далек от противопоставления политики великого князя основной массе новгородского общества.

Рассказ Московской летописи, несмотря на свою подчеркнутую публицистичность, основан на определенных исторических реалиях. Он называет точную дату смерти архиепископа Ионы, имена новгородских послов к великому князю и к королю, содержит ряд традиционных летописных формул («прия честне» и т. п.). Составитель Рассказа пользовался, по-видимому, документами и записями собственно летописного, фактологического характера. Необходимо отметить светский характер Рассказа: он почти не содержит апелляций к церковноисторическим образам и категориям.

В отличие от рассказа Московской летописи «Словеса избранные» носят по форме подчеркнуто церковный характер.¹⁹ Написанные в чрезвычайно выпрессованном, велеречивом стиле, в духе церковного

¹⁸ *Бернадский В. И.* Новгород и Новгородская земля. . . С. 274.

¹⁹ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20. Ч. 1. С. 285.

красноречия, «Словеса» густо насыщены аллюзиями к ветхозаветным сюжетам и цитатами из Священного писания. В то же время «Словеса» содержат ряд важных исторических реалий, отсутствующих в Рассказе.

В «Словесах» подчеркивается не только исконная принадлежность Новгорода великому княжению, но и его традиционная непоколебимая верность: на протяжении 480 лет новгородцы «имя их государей великих князей держали на себе честно и грозно, а земли и воды не вступалися, ни пошлин государевых у себя не таили в земли, а о всем правили к ним по крестным грамотам».

С этой «стариной» — не только общерусской, но и новгородской — резко контрастирует теперешнее поведение новгородцев. В отличие от Рассказа «Словеса» содержат ряд конкретных обвинений новгородцам: 1) «пошлин не отдают», 2) «которых земель и вод с суда по старинѣ отступилися князю великому, да тѣ земли опять за себя поимали и людей к целованию приводили на новугородкое имя»; 3) «на двор великого князя на Городище с большаго вѣча присылали многих людей, а намѣстникам его да и послу . . . лаяли и бесчествовали»; 4) «в имени великого князя за отказом на Городище дву князей поимали силно, а людей перебили и переимали, и в город сводили, и мучили в его имени»; 5) «с рубежов с. . . отчинѣ великого князя и его братии молодшей отчинам и их людем многу пакость чинили . . . грубачи в. князю». К этим частным обвинениям добавлено общее, принципиальное: новгородцы держали «себе мысль, хотячи отступити от своего государя великого князя, а датися королю, латынскому государю, хотячи лиха всему православию».

Содержание и формулировки конкретных обвинений позволяют высказать предположение, что «Словеса» в этой части опирались на какой-то официальный деловой документ, перечислявший великокняжеские претензии к Новгороду, возможно — на послание в Новгород великого князя. Из текста обвинений видно, что возбуждение в Новгороде достигло высокого накала, напоминающего события 1460 г., когда была попытка напасть на Городище, с трудом предотвращенная архиепископом Ионой.

В отличие от Рассказа «Словеса» сообщают об ответном посольстве новгородцев «о своих делах о земских о новгородских». Претензии великого князя посол Василий Опаньин²⁰ не рассматривал, подчеркнув в ответах московским боярам: «то ми не наказано». Эта часть «Словес» носит в достаточной степени документальный характер.

Посольство Опаньина, как и следовало ожидать, привело к дальнейшему обострению конфликта. Великий князь в категорической форме потребовал принятия своих условий: «исправитесь передо мною . . . сознайтесь, а в земли и в воды мои . . . не вступайтесь; а имя мое. . . держите честно и грозно по старинѣ; а ко мне . . . посылайте бити челом. . .».

²⁰ Василий Опаньин — представитель Черевского копца (как и Борцкие) (Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 378).

«Словеса» связывают посольство Онаньина с началом конкретных приготовлений к войне; в ответ на «грубость» посла великий князь «на конь всести хотел». Тогда же в Псков было послано требование об участии в предстоящем походе в случае отказа новгородцев от условий великого князя: «а не учнут ко мне посылати отчина моя Великий Новгород, и вы бы на них со мной готовы».

Судя по контексту «Словес», эти события происходили до смерти архиепископа Ионы, т. е. до начала ноября 1470 г. Это указание имеет существенное значение. Конфликт Новгорода с великим князем достиг большой остроты еще при Ионе, задолго до приезда в Новгород князя Михаила. Действительно, в числе претензий великого князя Новгороду, приведенных выше, приглашение Михаила не фигурирует.

«Словеса» гораздо подробнее и документальнее, чем Рассказ, сообщают о посольстве в Москву боярина Никиты Савина (Ларионова) «от всего Великого Новгорода». Никита бил челом митрополиту Филиппу и великой княгине Марии Ярославне, чтобы они печаловались великому князю об опасных грамотах новому архиепископу, «да и посадником и тысячцким, да и боляром Новгородцким, на Москву приѣхати к великому князю бити челом». По словам памятника, великий князь «гнѣв свой с сердца им сложил . . . и опасные им грамоты . . . подавал».

Дальнейшие события в Новгороде «Словеса» излагают в сугубо витийственном стиле, тем не менее и это изложение содержит некоторые конкретные факты.

Если рассказ Московской летописи подчеркивает сочувствие великому князю со стороны «лучших людей», посадников, тысячцких и житых, то «Словеса» сосредоточивают свое внимание на деятельности сторонников литовской ориентации.

«Словеса» крайне отрицательно оценивают факт приглашения новгородцами князя Михаила Омельковича и роль последнего в Новгороде. Само пребывание Михаила в Новгороде, с точки зрения «Словес», есть со стороны новгородцев «грубость государю великому князю». В отличие от Рассказа «Словеса» прямо обвиняют князя Михаила в сговоре с Марфой Борецкой: «по его слову» она «хотячи замуж за литовскаго же пана за королева . . . да с ним хотячи владѣти от короля всею Новгородскою землею». В борьбе за отпадение Новгорода от Русского государства и русской церкви Михаил и Марфа были единопутны. Другим союзником и советником Марфы оказывается Пимен — ключник архиепископа Ионы и один из кандидатов на место владыки. Именно по совету Пимена Марфа приступила к подкупу «наймитов», он «веляше ей давати («множество злата») в народ людем многим, дабы им помагали на их волю». Но Пимен не ограничивался советами. Он, «уповая на множество злата», сам давал его Марфе для подкупа «наймитов». По-видимому, это то самое «злато», которое владычный ключник еще при жизни Ионы «татъством ис казны его себѣ выносил». Выясняется и церковная ориентация Пимена, он хотел поставления от киевского митрополита Григория: «хотя на Киев мя пошлите, и там на свое поставле-

ние еду». Таким образом, Пимен в изображении «Словес» выступает крайне активным и последовательным сторонником церковнополитического отпадения Новгорода от Русской земли и слияния его с Литвой.

По признанию «Словес», агитация Марфы и ее союзников была далеко не безуспешной: «многие люди на сонмище к ней схожахуся и многи послушаху прелестных и богоотметных словес ея». Витийственно-велеречивый стиль «Словес» не позволяет дать ответ на вопрос, кто же такие были эти «многие люди».

Линии поведения Марфы и ее сторонников, направленной на открытый разрыв с Москвой и Русью, «Словеса» противопоставляют деятельность нового владыки — Феофила: он «повелеваше им, яко да престануть от такового злаго начинания». Борьба со сторонниками Марфы оказалась, однако, Феофилу не по силам. Он даже собирался отказаться от своего сана и вернуться «в монастырь в келью свою», но «они же не пустиша его», возможно, желая выиграть время для переговоров с королем.

В этих условиях великий князь «повеле» митрополиту Филиппу «от себя посылати к ним от своего писання грамоты». И митрополит, всецело поддерживая политическую линию великого князя и полностью ему подчинившись, исполняет это «повеление». «Словеса» приводят (сокращенный) текст его грамоты новгородцам.²¹ Суть послания — увещевание не отступать «от благочестия, от православия и от великия старинь» и не «приложитися» «ко тмѣ латынския прелестю». Обращаясь к новгородцам, митрополит подчеркивает, что они поручены «под крѣикую руку благовѣрнаго и благочестиваго Русских земель государя великого князя Ивана Васильевича всея Руси, вашего отчича и дѣдича».

Последняя мирная попытка великого князя — посылка в Новгород Ивана Федоровича Товаркова²² «с добрыми речами». Конкретное содержание этих «добрых речей» «Словеса» не приводят, но суть их в том, чтобы новгородцы «челом били да . . . исправилися». Ответа новгородцев «Словеса» также не приводят, но характеризуют его как «лукавый». После этого следует разрыв: великий князь, узнав о неудаче своего посольства, «в тѣй час посла к ним грамоту складную . . . възвещая им, что на них идетъ ратми».

«Словеса» и рассказ Московской летописи — два публицистических памятника официального характера, в наиболее развернутом виде раскрывающие мотивы действий великого князя и обоснование необходимости и правомерности Новгородского похода. Официозность происхождения, следовательно, оценок и выводов — их основная общая черта. Наряду с этим памятники настолько существенно

²¹ Полный текст грамоты от 22 марта 1471 г. // РИБ. Т. VI. Стб. 722—732.

²² И. Ф. Товарков, по оценке С. Б. Веселовского, — выдающийся деятель последней четверти XV в. (Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 73), выходец из рода Гаврилы Алексича, он внук Григория Пушки, сын боярина Федора Товаркова и сам впоследствии боярин (ВОИДР. М., 1851. Т. X. С. 104).

между собой различаются, что можно говорить об их относительной независимости друг от друга.

Анализируя текст «Словес», А. Н. Насонов пришел к выводу, что они были составлены в кругах, близких к митрополиту Филиппу, и имеют в качестве одного из основных источников послание этого митрополита в Новгород (приводимое в самих «Словесах» в сокращенном виде).²³ Как показывает сопоставление текстов «Словес» и Послания, автор «Словес» действительно воспользовался Посланием Филиппа: из него взяты известия о посольстве Онаньи, о намерении великого князя «ввести на конь», о посольстве Никиты Савина, о выдаче новгородцам «опасной грамоты». Литературный стиль «Словес» близок по характеру к стилю Послания. В то же время автор «Словес» опустил некоторые реалии, содержащиеся в Послании. Так, опущено известие о посылке в Новгород митрополичьего сына боярского Тургена с увещательной грамотой Филиппа. Автор «Словес», подчеркивающий лояльность Феофила, не включил и упреки Филиппа в адрес нареченного архиепископа по поводу новгородских дел («а ты ми, сыну, того не възвѣстишь и не опишешь . . . занеже . . . то есть . . . попечение наше святительское»). В этом пропуске сказались определенная ориентация «Словес».

Еще более показательно, что в «Словесах» не вошла характеристика новгородских отступников. По словам Филиппа, отступничество проявилось «в многих . . . в молодых людех, которые еще не навькли доброй старинѣ . . . а инни де не познав доброго наказания отец своих . . . да по животѣх их остались, по грѣхом, не наказани». Эти-то «несмысленные, коняса в сонмы, да поостряются на . . . великое земли неустроение . . . хотячи ввести мятежь велик . . . да оставя православие и великую старину да приступити к латыном».²⁴ Автор «Словес» или не считал такую характеристику, возлагавшую всю вину на «молодых», правильной, или не хотел подчеркивать массовость антимосковского движения на вече.

С другой стороны, «Словеса» включили ряд реалий, отсутствующих в Послании. Сюда относятся, во-первых, подробное и точное исчисление конкретных «вин» новгородцев, во-вторых, сведения о деятельности князя Михаила Олельковича, Пимена и Борецких и о борьбе с ними Феофила, в-третьих, упоминание о посольстве И. Ф. Товаркова. Включение этих известий в «Словеса» говорит о наличии официального источника документального характера, независимого от Послания Филиппа.

Итак, «Словеса» — сложный компилятивный памятник, имеющий два основных источника: Послание митрополита Филиппа и какую-то официальную документальную запись фактического характера.

Опираясь на документальные материалы, Рассказ и «Словеса» дают взаимно дополняющие друг друга сведения о событиях в Новгороде.

²³ Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969. С. 253—255.

²⁴ РИБ. Т. VI. Стб. 726.

Картина общего хода событий, нарисованная московскими публицистическими памятниками, должна быть сопоставлена с данными другого важнейшего источника — псковских летописей.

Псковская II летопись (Синодальный список) отражает московскую традицию: «Князь великий Иван Васильевич . . . нача искати на новгородцех своих прародителей старин, земли и водѣ и всѣх пошлин, как пошло от великого князя Ярослава Володимировича, и хотя отмстити Великому Новгороду древняя нечести и многиа грубости, бывшиа от них великим князем». ²⁵ Летопись говорит (не называя имен и дат) о присылке великим князем послов во Псков «с призывом «възвѣсти на кони на своего брата на Великий Новгород». «А что вам с Новымъ городом мир и крестное целование, то яз буду пред Богом в том грѣсѣ, а грамоту мирную им отвераните». ²⁶

Одновременно и новгородцы «прислаша своего посла, моложшаго боярина подвойского» «не с поклоном, ни с челобитием, ни с молением, но з гордынею», требуя «пособити . . . противу великого князя». «Много думавше», псковичи сделали выбор: послали в Новгород разметную грамоту и начали поход.

Гораздо подробнее о событиях зимы 1470/71 г. рассказывает Псковская III летопись (Строевский список). Сообщая о приезде в Новгород 8 ноября 1470 г. князя Михаила Олельковича, летописец отмечает, что он был «ис королевы роуки новгородци испросен» и что с ним приехало «на похвалу людей много силно». ²⁷

Летопись приводит подробный рассказ о выборах нового архиепископа. Они состоялись 15 ноября. Кандидатами были Варсонофий, духовник покойного архиепископа; Пимен, ключник его; протодьякон Никольского Вежищского монастыря Феофилакт, ризник того же архиепископа. Традиционная жеребьевка принесла победу последнему, который был возведен «в владычен двор на сени честно» и наречен архиепископом. Наиболее важные события, однако, развернулись позже, «по неколиких днях». Тогда «Великий Новгород ключника владычня Пимина великим, сильным извеществовал бесчестием»: он был взят под стражу («на крѣпости издержав»), подвергнут телесному наказанию («самого измучив»), его «разграбили» и «продали» «на 1000 рублей» «телом» (т. е., очевидно, оштрафовали). Конкретных причин такой расправы над вчерашним кандидатом в архиепископы, близким лицом покойного владыки, ²⁸ летописец не приводит, но замечает: «инде на едином месте честь не стоит, в мудрости разумных ищет, а на гордых и безумных пребыти не может». ²⁹

В рождественское говение в Псков прибыл посол великого князя «боярин его Селиван» «поднимати псковичи на Великий Новгород»

²⁵ ПЛ. Т. II. С. 54.

²⁶ Там же. С. 54—55.

²⁷ Там же. С. 172.

²⁸ О близости Пимена к архиепископу Ионе свидетельствует летопись Авраамки: во время последней поездки Ионы в Псков в январе—феврале 1469 г. у него в дому «ся остал Пумия ключник на все дела» (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 223—224).

²⁹ ПЛ. Т. II. С. 173.

«за мои старшны». Как мы знаем, «Словеса избранные» связывают это посольство с миссией в Москву Василия Онаньяна и относят по времени до приезда в Новгород Михаила Олельковича. Если придерживаться этого указания, то, надо думать, что Селиван прибыл в Псков в самом начале рождественского поста, т. е. около 14 ноября. Псковский летописец претендует на точность изложения, приведя слова посла: «то я вам повествовал от великого всея Руси князя всему Пскову». Показательно, что и Пскову внушается мысль о «старинах» великого князя, нарушение которых Новгородом и есть причина войны. При этом нужно отметить, что в послании Пскову война еще не изображается как неизбежность: допускается возможность мирного исхода конфликта. В Москве, видимо, еще не знали о приезде Олельковича (или во всяком случае о его политической линии). Соответствующее сообщение «Словес» подтверждается независимым от них псковским источником. В ноябре 1470 г. новгородцам еще не предъявляется прямого обвинения в измене и церковном отступничестве. Окончательный поворот в новгородской политике в сторону Литвы еще не совершился.

Оказавшись перед перспективой войны с Новгородом, Псков сделал попытку мирного посредничества. В Новгород отправляются псковские послы Микита Насонов и сотский Дмитр Патрикеевич с извещением о посольстве великого князя, с предложением посредничества («а мы за вас, за свою братью, ради посла своего слати, толко вам будет надобе и великому князю всея Руси челою бити по миродокончанно с вами грамотѣ») и с просьбой дать «путь» псковским послам к великому князю.³⁰ Это сообщение псковского летописца представляет интерес как для характеристики позиции Пскова, оказавшегося в сложном положении и колеблющегося между Москвой и Новгородом, так и для оценки псковичами причин конфликта: суть его — в нарушении новгородцами «миродокончанной грамоты», т. е., очевидно, Яжелбицкого мира.

Мирная инициатива Пскова не нашла, однако, сочувствия в Новгороде. «Всего не рядя», новгородцы прислали в Псков своего посла Родиона, стольника владычня, с категорическим отказом от посредничества, от собственного челобитья великому князю и от пропуска псковского посла в Москву. Вместо этого новгородцы потребовали от псковичей, чтобы те «против великого князя на конь усегли».³¹ Псковичи заняли выжидательную позицию; не отказав прямо новгородцам, они заявили: «как вам князь великой отлет возмѣтнуй грамоту, тогда нам явитѣ, а мы, о том огадав, вам отвечаем».³²

Приезд новгородского посла вызвал в Пскове реакую вспышку антиновгородских настроений. Вспомнились старые и новые обиды, накопившиеся на «старшего брата». Новгородский посол подвергся оскорблениям на вече: у него отняли его людей и 35 р. серебра.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 174.

По словам летописца, это все сделали «обидные люди», которые «были в Новгороде в порубах приобижены и измучены», а также те, которые были отняты новгородцами у псковских послов в Новгород. Эти люди не только были ограблены новгородцами, отнявшими «товары или пинязи», но и сами полгода сидели в Новгороде «на крепости измучены в железах от биричов». Их «только головами» (т. е. без всякого имущества) «выправил» псковский посадник Яков Иванович, которому пришлось поехать в Москву и бить челом об этом великому князю, «своему государю».

В своем конфликте с великим князем новгородское боярство не имело реальных оснований рассчитывать на помощь со стороны Пскова. В этой связи представляют большой интерес известия псковского летописца о переговорах с Орденом и Литвой в марте 1471 г., т. е. в то время, когда московско-новгородский конфликт достиг наибольшего обострения.

С 5 по 19 марта Псков принимал посла ливонского магистра — его брата «с дружиною». Заявив о намерении магистра перенести резиденцию в Феллин (Вельяд), посол предъявил претензии на пограничные псковские земли. Признав, что «волен князь местер, где хочет, ту себе живет», псковичи твердо заявили о пограничных землях: «то земля и вода святая Троица, псковская вотчина, великих князей и всея Руси устрядание».³³ И содержание ответа, и его формулировка свидетельствуют о недвусмысленной позиции Пскова, опиравшегося в своих отношениях с Орденом на помощь Москвы и рассматривавшего себя частью «всея Руси».

8 марта псковичи посылают посольство к Казимиру, которое 27 марта прибывает в Вильно. Цель посольства — выяснение пограничных вопросов, оставшихся нерешенными на безрезультатном совещании в Березничих 14 сентября предыдущего года. Пребывание послов у Казимира было необычайно кратким. Уже 30 марта король заявил псковским послам: «яз пак сам хочю быти на тех границах, да того досмотру своима очима».³⁴ По словам летописца, это заявление, доложенное послами на вече после возвращения в Псков 21 апреля, привело псковичей в замешательство и тревогу: «и бысть се псковичем не любо, ни по пригожью, понеже николи не бывало от князей великих, ни от королев. . . ти все на съезд панов слали, а сами не бывали никако с псковичи править о порубежных границах».³⁵ Внезапно проявившийся интерес короля к пограничным вопросам не мог не насторожить псковичей, ожидавших со дня на день призыва великого князя отправиться в новгородский поход.

Представляет интерес и характеристика пребывания в Новгороде князя Михаила Олельковича, данная псковским летописцем по случаю отъезда этого князя 15 марта 1471 г.: «а Новугороду было истомно силно корм и вологою и великими дарми, а он еще как едя от них, и приехав в Русу, оброки вся пограби силою, а от Русы

³³ Там же. С. 174—175.

³⁴ Там же. С. 179.

³⁵ Там же. С. 179—180.

к рубѣжю едя вся посу и живот и головы войною великою пограбив, с собою животы повеже, а головы поведе и до самого рубѣжа, неизрѣченно чкоты почини Новгородской волости». Отъезд из Новгорода литовского князя, приглашенного ревнителями новгородской «старины» и приведшего с собою «на похвалу людей много силно», сопровождался неприкрытым феодальным разбоем: «на свою вотчину» — Киев князь Михаил ехал, как через вражескую территорию, предавая все разорению. Свое изложение летописец подытоживает сентенцией по адресу новгородцев: «а все то они забавливая у себѣ великих княжен своих государев старины, а помощи своя требуя от литовских князен и от самого короля, такову на собѣ наводят историю».³⁶

Основная черта псковских известий — их фактологичность при почти полном отсутствии сентенций морального и политического характера. Псковский летописец очень конкретен в своем изложении: он называет имена и точные даты, старается приводить дословно речи послов и т. п., не позволяя себе никаких лирических отступлений. Точность и конкретность придают информации высокую ценность. В то же время псковский летописец, в отличие от московских рассказчиков, не пытается проанализировать события внутри самого Новгорода. Явно отрицательно относясь к таким деятелям, как Михаил и ключник Пимен, он ничего не сообщает о тех, кто их поддерживал, не упоминает Борецких, не рассказывает о борьбе на новгородском вече и т. п.

Другие летописи освещают московско-новгородский конфликт гораздо более скупо.

Типографская летопись (ТЛ) содержит краткий рассказ о новгородских событиях зимы 1470/71 г. Как и в Московской летописи, изложение начинается с выборов нового владыки: новгородцы «нареша себе на владычество . . . Феофила некоего, новопостриженна мниха». После этого следует рассказ о том, как «сняшаяся посадницы на вечь и новгородцькие бояре вечники и кромолницы и суровии человеци и вси новгородцы» послали к королю Казимиру и митрополиту Григорию, прося у них себе князя и епископа.³⁷ При этом подчеркивается, что «земстии же люди того не хотяху». Приезд Михаила Олельковича и связанные с ним события изображаются примерно так же, как в Московской летописи. ТЛ сообщает, что в Новгороде «в таже времена велик мятеж . . . бысть межи собою, и многи бои межди бяше, овии бо хотяху за великого князя, иныи же мнози за короля».³⁸ Летопись дает свое объяснение отъезду князя Михаила: «прииде прежде ему весть, что брат его старейший, князь Семен, на Киеве преставился. Он же тое зимы поиде из Новгорода к Киеву».

Создается впечатление, что ТЛ сократила рассказ официальной великокняжеской летописи, в результате чего исчезли многие детали и оттенки, характерные для последнего. Так, в ТЛ ничего не

³⁶ Там же. С. 175.

³⁷ ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 189.

³⁸ Там же. С. 188—189.

говорится, например, о кознях Борецких и само имя их не упоминается. Подчеркивая «мятеж велик» среди новгородцев и отмечая многочисленность литовской партии («мнози» хотят за короля), ТЛ не дает противоборствующим сторонам никакой социальной характеристики. Не противореча по существу московской официальной версии, известия ТЛ носят менее конкретный, более обобщенный характер. В отличие от официального рассказа ТЛ не пытается дифференцировать новгородцев. Вот почему едва ли можно видеть в рассказе ТЛ самостоятельный фактический источник о событиях 1470/71 г. В то же время некоторые черты изложения ТЛ заслуживают внимания. ТЛ дает самостоятельную характеристику новому владыке, подчеркивая его мирское происхождение и тем самым случайность на архиепископской кафедре. Это свидетельствует об интересе рассказчика ТЛ к церковным вопросам и его осведомленности в них. Заслуживает внимания и объяснение причин отъезда князя Михаила Олельковича, отсутствующее в других источниках.

Другие летописные памятники содержат только отрывочные сведения о конфликте, предшествующем походу 1471 г.

Архангелогородский летописец под 1469/70 г. сообщает, что «князь Василий Васильевич Шуйский поехал из Великого Новгорода за Волок на Двину, да с ним Василий Никифорович, воевода новгородский». ³⁹ Летописец не ставит это событие в связь с приездом в Новгород Михаила Олельковича. Самостоятельное известие о поездке новгородского князя с воеводой в Заволочье представляет большой интерес, оно свидетельствует о подготовке войны с Москвой, в частности о мерах, принимаемых для защиты северных владений Новгорода. Следует отметить, что Степенная Книга тоже рассматривает поездку князя Василия Суздальского за Волок как военное оборонительное мероприятие. Так же расценивает эту поездку и Двинский летописец.

В компилятивном известии Степенной Книги рассказ Московской летописи и «Словеса избранные» подверглись редактированию в свойственном этому памятнику витийственному стилю. ⁴⁰ Редактирование шло по линии сокращения исторических реалий (имен, дат, точных фактов) и нагнетания чисто литературных элементов и ораторских приемов. Отъезд из Новгорода князя Михаила Олельковича Степенная Книга, в отличие от других источников, объясняет разрывом с ним Марфы Борецкой. ⁴¹

Характерная особенность рассмотренных источников — их новгородское происхождение. Они освещают события с враждебных Новгороду или в лучшем случае нейтральных позиций. Тем большее значение приобретают немногочисленные сведения из лагеря новгородцев. К числу их относятся показания Новгородской IV летописи и Летописи Авраамки. Последняя годовая статья этой летописи — 1468/69 г. — начинается сообщением: «Возмутившимся хрестьянам о неправды в Великом Новгороде, написаша грамоту и

³⁹ ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 92.

⁴⁰ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21. С. 530—544.

⁴¹ Там же. С. 534.

крест на ней человаша, и в ту ж неправду вишоша». Это неясное по смыслу известие летописец сопровождает тревожным восклицанием: «О пречистый Владыко, недрѣманное око! пощади нас в кратком сем житии, в малом сем времени», и грозным пророчеством: «индѣ глаголетъ къ безаконникомъ: аще не обратитесь, оружье свое очиститъ и лукъ свой напяржаетъ, уготова в нихъ съсуды смертныя».⁴² Итак, согласно новгородскому источнику, в 1468/69 г. была написана крестоцеловальная грамота, имевшая большое значение и вызвавшая тревожные мысли и предчувствия летописца. Что же эта за грамота? Она была следствием возмущения «неправдой», попыткой избежать «неправды» и в то же время фатально вела «в ту ж неправду». Грамота отражала какой-то острый политический или социальный конфликт, составление самой грамоты было делом опасным, чреватым серьезными последствиями. Не исключено, что именно эта грамота и была связана с новгородско-литовскими (переговоры с Казимиром и приглашение Олельковича) или новгородско-московскими (резкое ухудшение отношений с великим князем) делами. Летописный текст отражает тревогу, охватившую новгородское общество.

Сопоставление рассмотренных источников дает возможность наметить и охарактеризовать основные этапы развития московско-новгородского конфликта до открытого разрыва и военного столкновения. Конфликт Новгорода с великим князем возник задолго до осени 1470 г., т. е. до приезда в Новгород Михаила Олельковича. Напротив, сам этот приезд был показателем и следствием далеко зашедших новгородско-московских противоречий. Обращение к Казимиру и приглашение Михаила Олельковича — результат деятельности сильной литовской партии,⁴³ возглавлявшейся представителями боярских и церковных верхов.⁴⁴ Может быть, с деятельностью этой партии связана и крестоцеловальная грамота 1468/69 г. Во всяком случае отношения с великим князем вступили в критическую стадию еще при жизни архиепископа Ионы. Коренные противоречия между Москвой и Новгородом к этому времени обозначились достаточно четко.

Нарушение новгородской стороной ряда условий Яжелбицкого договора⁴⁵ отражало настойчивое стремление правящих кругов Гос-

⁴² ПСРЛ. Т. 16. Стб. 222—223.

⁴³ По наблюдениям В. Л. Янина, основанным на анализе территориальной принадлежности бояр, подвергшихся позднее репрессиям за свою протитовскую деятельность, во главе литовской партии стояло боярство Неревского конца, к которому и относились Борецкие. Напротив, бояре Славенского конца занимали наиболее умеренную, промосковскую позицию. Боярство Плотницкого конца и Прусской улицы в событиях 1470—1471 гг. поддерживало литовскую партию, что и обеспечило ее перевес (Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 346—349).

⁴⁴ Показательно, что одним из лидеров антимосковской партии был Пимен — правая рука архиепископа Ионы.

⁴⁵ К числу этих нарушений относится, например, захват новгородцами ряда двинских волостей, отведенных московской стороне по Яжелбицкому миру (АСВР. М., 1964. Т. III. № 15. С. 31 — «третий» список двинских земель. Подробнее см.: Янин В. Л. Борьба Новгорода и Москвы за Двинские земли в 50—70-х гг. XV в. // Ист. записки. М., 1982. Т. 108. С. 189—214).

иодина Великого Новгорода сохранить свою «старину», т. е. полную внутреннюю независимость при чисто номинальном признании великокняжеской власти.⁴⁶ В ответ на это великий князь предъявил требования, суть которых — принципиальное подчинение Новгорода власти и авторитету великого князя — тоже на началах «старинны». Возводя эту «старину» к Рюрику и Владимиру и считая себя не номинальным, а реальным «государем Всея Руси», великий князь выдвигает целую политическую программу, вступающую в резкое противоречие с новгородской традицией, с самими основами существования боярско-вечевого республиканства.

Требования великого князя вызывают активизацию антимосковских тенденций в правящей группировке Новгорода. Обращение к Казимиру и приглашение Олельковича на новгородский стол — результат этой активизации.⁴⁷

Отказ Новгорода называться «отчиной» великого князя и обращение к королю фактически означают выход его из политической системы Русской земли, возглавляемой великим князем.⁴⁸

Тем не менее вплоть до ноября 1470 г. великокняжеская власть пытается избежать открытого разрыва: опираясь на своих сторонников в Новгороде, она стремится добиться мирного принятия своих условий. Однако попытки мирного урегулирования не приводят к успеху.

Обращение к Казимиру и прибытие в Новгород князя Михаила Олельковича знаменуют новый этап конфликта. Суть его — в откры-

⁴⁶ В. Н. Бернадский считает, что формула Ермолинской летописи под 1462 г.: «князь великий Иван Васильевич седе . . . на великом княжении в Новгороде Великом и Нижнем» (ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 157) — «говорила уже о достигнутом (хотя в Новгороде Великом, в отличие от Нижнего, еще не закрепленном) положении» (*Бернадский В. И.* Новгород и Новгородская земля. . . С. 263). С этим, однако, трудно согласиться. Реальная политика новгородских верхов после Ягеллицкого мира говорит об обратном — о полном сохранении Новгородом не только внутренней автономии, но и внешнеполитических амбиций (соответствующие факты приводит в своем исследовании сам В. Н. Бернадский).

⁴⁷ К. В. Базилевич справедливо отвергает мысль, что приезд Михаила Олельковича связан с тем dokonчанием с Казимиром, текст которого был найден на поле Шелонской битвы (*Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в. М., 1952. С. 91—92). А. Я. Хорошкевич, опираясь на польскую историографию, решительно утверждает, что «в действительности никакого соглашения между православными Олельковичами . . . и Казимиром не существовало» (*Хорошкевич А. Я.* Русское государство в системе международных отношений конца XV—начала XVI в. М., 1980. С. 78). Думается, однако, что прибытие князя Михаила едва ли могло иметь место без ведома и согласия его сюзерена, следовательно, без того или иного соглашения с ним.

⁴⁸ А. С. Хорошев считает, что решающую роль в разрыве отношений Новгорода с Москвой сыграл термин «отчина моя», употребленный великим князем в переговорах с новгородским посольством Никиты Ларионова: «Это было воспринято новгородцами как покушение на суверенитет республики» (*Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 188). Однако этот термин сам по себе новым отнюдь не был. По отношению к Новгороду, как и к Пскову, великокняжеская власть официально применяла его еще в 60-х гг., например в переговорах с послами (см.: ПЛ. Т. II. С. 158—159).

Том выступлении новгородских правящих верхов за разрыв церковно-политических связей с Русью и за унию с Литвой.⁴⁹ В ноябре 1470 г. политическая борьба в Новгороде достигает наибольшего обострения. Избрание умеренного по своим взглядам Феофила и расправа над Пименом, крайним сторонником литовской ориентации, сопровождаются посольством в Москву Никиты Ларионова, т. е. явным шагом к примирению с великим князем. Это — несомненный успех сторонников Москвы. Однако они не смогли реализовать этот успех и добиться перелома как в соотношении сил внутри правящих верхов Новгорода, так и в новгородско-московских отношениях. Партия Борецких, активно поддерживаемая князем Михаилом, снова берет верх.⁵⁰ Ей удается сорвать наметившееся было соглашение с Москвой, не допустить поездки туда нареченного владыки и авторитетного новгородского посольства⁵¹ и в значительной мере свести на нет роль Феофила в новгородских делах.⁵² К этому времени относятся и первые известные нам военно-политические мероприятия новгородских властей: отправка на Заволочье князя Василия Горбатого с воеводой (и, очевидно, с войсками), обращение к Пскову с требованием военной помощи и, по-видимому, активизация дипломатических переговоров с Орденом и Литвой.⁵³

⁴⁹ Трудно согласиться с мнением Л. В. Черепнина, что на стороне их «активно действующей силой на вече выступал народ» (*Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. . . С. 857*): в изображении наших источников мы видим только «наимытов». Да и трудно представить, что идея политического и церковного отпадения от Руси могла пользоваться популярностью в широких массах новгородцев (как и показали дальнейшие события).

⁵⁰ По мнению А. Е. Преснякова, Михаил Олелькович «подготавливал почву для . . . создания в Новгороде крупного наместничества для православного магната», что не отвечало интересам Казимира, хотя и соответствовало желаниям новгородских сепаратистов (*Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. С. 432*). Аналогичную позицию занимают К. В. Базилевич (*Внешняя политика. . . С. 94*) и А. Л. Хорошкевич (*Русское государство. . . С. 78*). Оба автора подчеркивают родственные связи (по женской линии) Олельковичей с Иваном III. В противоположность этому И. Б. Греков считает Олельковича прямым ставленником Казимира (*Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы. М., 1963. С. 175 и сл.*). Современные события русские источники подчеркивают активную антимосковскую линию Михаила в Новгороде и рассматривают его не иначе, как князя «из королевы руки».

⁵¹ «Вы пак то великое. . . дело, церковное и земское, заложили, а к моему господину. . . великому князю и ко мне есте по тем опасным грамотам не поехали», — упрекает новгородцев митрополит Филипп (*РИБ. Т. VI. № 102. Стб. 726*).

⁵² А. С. Хорошев считает, что «желание Феофила сохранить за собой архиепископскую кафедру могло стимулировать владыку на хиротонию в Киеве» (*Хорошев А. С. Церковь. . . С. 189*). Однако у нас нет указаний источников на переговоры Феофила с киевским митрополитом и на какие-либо колебания его в 1470/71 г. по вопросу о церковной принадлежности Новгорода. В это время он, по-видимому, принадлежал к умеренной, московской, партии внутри новгородских верхов.

⁵³ Ссылаясь на письмо магистра Вольгуса фон Герзе, Н. А. Казакова указывает, что до августа 1471 г. в Феллине побывали одно за другим два новгородских посольства. Цель их — продление мира Новгорода с Орденом при условии

Положение, сложившееся в Новгороде к зиме 1470/71 г., напоминает то, что происходило во время конфликта 1463 г., когда новгородцы также обращались к королю и к беглым удельным князьям за помощью против великого князя. В обоих случаях новгородские власти вели дело к открытому разрыву с Москвой, ориентируясь на Литву. Однако если в 1463 г. конфликт носил чисто политический характер, не касаясь церковных вопросов, то теперь вопрос о политической принадлежности Новгорода оказался тесно связанным с проблемой его церковного подчинения. Это придало конфликту более широкий и глубокий, более универсальный характер. Кроме того, сам факт победы литовской партии в 1470 г., после того как в течение ряда лет власть находилась в руках сторонников компромисса с Москвой, свидетельствовал о слабости этих последних. Для московской политики умиротворения они оказались ненадежной опорой. Московское правительство не могло не сделать отсюда соответствующих выводов.

Изменилась и общая конъюнктура в Русской земле. Длительная война с Казанью (1467—1469 гг.) окончилась полной победой — первой крупной победой над внешним врагом со времен Дмитрия Донского. Этот факт не мог не оказать влияния на политические планы Москвы. Московские войска получили первое большое боевое крещение, что должно было способствовать укреплению веры в свои силы, в военные возможности нового государства. Победа над Казанью позволяла на какое-то время не опасаться за восточные и юго-восточные рубежи и сосредоточить главные силы русских войск на новом — северо-западном — стратегическом направлении.

Великокняжеская власть с ноября 1470 г., не прекращая переговоров с Новгородом, также активизирует подготовку к предстоящей войне. Одно из звеньев в цепи мероприятий московского правительства — обращение к Пскову с предупреждением о вероятной войне с Новгородом. Расширяется и идеологическая подготовка к походу. Ввиду обозначившейся решимости новгородских верхов вступить в церковно-политическую унию с Литвой глава русской церкви по инициативе великокняжеской власти обращается к Новгороду с посланием, в котором политика новгородских верхов квалифицируется как отступничество от православия.

Март 1471 г. — начало третьего и последнего этапа конфликта, предшествовавшего открытию военных действий. Отъезд из Новгорода князя Михаила Олельковича связан, по-видимому, со стремлением правящих кругов боярско-вечевой республики заключить новые соглашения с Казимиром, пригласив его самого на нов-

исключения из этого договора Пскова. Новгородские послы просят магистра «удержать псковичей дома», чтобы дать им самим подготовиться к войне с «московским королем». Н. А. Казакова относит эти посольства ко времени после Шелонской битвы. Однако приводимые ею слова магистра заставляют датировать их более ранним временем — вероятнее всего, до начала войны, к которой новгородцы хотя и подготовиться (Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 145).

городский стол,⁵⁴ т. е. реализовать проект новгородско-литовской унии.⁵⁵

Одновременно принципиальные антагонисты Москвы и тем самым потенциальные союзники новгородских сепаратистов, Литва и Орден, пытаются оказать дипломатическое давление на Псков, стремясь добиться его нейтрализации в предстоящем военном конфликте. К весне 1471 г. проявляются контуры политической (если не военной) коалиции Литвы, Ордена и Новгорода.⁵⁶

Переговоры новгородских верхов с Казимиром, закончившиеся составлением известной договорной грамоты, означавшей разрыв Новгорода с Русью и переход его под власть великого князя Литовского,⁵⁷ — кульминационный момент в московско-новгородском конфликте. Следует отметить, что весной 1471 г. новгородские правящие круги имели основания рассчитывать, что поход великого князя на Новгород в силу специфических географических условий театра военных действий⁵⁸ может начаться не раньше следующей зимы. В этой ситуации они могли надеяться успеть реализовать свой союз с Казимиром и оформить соответствующий договор с Орденом. Отпадение Новгорода от Русской земли могло стать совершившимся фактом до того, как Москва смогла бы принять реальные контрмеры: политика новгородских сепаратистов была направлена именно к этой цели.

⁵⁴ К. В. Базилиев обоснованно ставит под сомнение сообщение Типографской летописи о смерти князя Семена Олельковича в Киеве (последовавшей осенью 1470 г.) как причине отъезда Михаила (*Базилиев К. В. Внешняя политика. . .* С. 95—98). И. Б. Греков видит в отъезде Олельковича из Новгорода признание им бесперспективности дальнейшей борьбы (*Греков И. Б. Очерки по истории. . .* С. 180). В этой связи обращает на себя внимание приведенное выше утверждение Степенной книги о разрыве Михаила с партией Борецких. Устранив Михаила, литовская партия рассчитывала вступить в непосредственный контакт с литовским великим князем.

⁵⁵ В. Л. Янин, основываясь на упоминании в проекте новгородско-литовского договора степениного тысяцкого Василия Максимовича, датирует этот проект временем с февраля по июль 1471 г. (*Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 294*). Если так, то договор составлен в Новгороде либо в последние недели пребывания в нем князя Михаила, либо уже после его отъезда.

⁵⁶ В упомянутом выше письме магистр Вольфс фон Герзе прямо указывает на необходимость помочь Новгороду, чтобы он не был «покорен московским королем и псковичами» (*Казанова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 146*). В свете этого представляется маловероятным известие Архангелогородского летописца, что, «норовя великому князю», магистр («князь-местер») не пропустил новгородского посла, отправленного к Казимиру за помощью (*ПСРЛ. Т. 37. С. 92*). В свою очередь московская дипломатия пытается удерживать Казимира от непосредственного участия в конфликте. А. Л. Хорошкевич приводит сведения польских источников о посольстве великого князя к Казимиру в июле 1471 г. (*Хорошкевич А. Л. Русское государство. . .* С. 79).

⁵⁷ ГВНП. М.; Л., 1949. № 77. С. 129—132. Характеристику этого договора см.: *Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. М., 1948. Ч. 1. С. 363—369; Бернадский В. И. Новгород и Новгородская земля. . .* С. 270—273).

⁵⁸ По оценке московского летописца, в летнее время «земля их (новгородцев. — Ю. А.) много воды иметь около себя и озера великие и реки и болота многи и зело непроходими, и прежние великие князи на них не ходили, а кто ходил, тот люди многи истерял» (*ПСРЛ. Т. 25. С. 286*).

Зима 1470/71 г. — важный рубеж в истории складывания единого Русского государства. Именно в это время впервые четко формулируется политическая идеология московской великокняжеской власти.⁵⁹ Обосновывая свои претензии к Новгороду, великий князь Московский впервые официально выступает как государь всея Руси, рассматривая русские земли как единое государство под своей «крепкой рукой». В традиционных формах восстановления «старин» дается — также впервые — историческая интерпретация политического и церковного единства Русской земли. В свете этого предстоящая война против Новгорода рассматривается не как очередная московский поход «за обиды и несправления», а как широкая общерусская акция, как дело всей Русской земли, выступающей за сохранение своего единства в политическом и идеологическом плане. Готовясь к походу на Новгород, великокняжеская власть укрепляет союз с Псковом и широко использует поддержку русской церковной иерархии во главе с митрополитом. Московскому правительству действительно удается противопоставить Новгороду общерусскую коалицию во главе с великим князем.

В отличие от Москвы новгородские верхи не смогли достигнуть достаточной степени политической стабильности в своей земле. При всей неполноте сведений о политических событиях в Новгороде в последние месяцы перед войной не подлежит сомнению основной факт: правящей литовской партии не удалось добиться прочной общественной поддержки⁶⁰ — в Новгороде существовала умеренная партия, связанная с архиепископом Феофилом; кроме того, перспектива войны не могла быть популярной в широких массах новгородского общества. Захват фактической власти Борецкими и их сторонниками носил, видимо, характер верхушечного переворота, что не могло не отразиться на ходе дальнейших событий.

Московско-новгородский конфликт 1470—1471 гг. носил отнюдь не случайный конъюнктурный характер. Открытое противоборство двух «старин» — великокняжеской и новгородской — отражало столкновение двух тенденций политического развития — централизаторской и сепаратистской. От исхода этого столкновения зависели дальнейшие судьбы не только Господина Великого Новгорода, но и Русской земли в целом.

⁵⁹ Подробнее см.: *Алексеев Ю. Г.* Историческая концепция Русской земли и политическая доктрина централизованного государства // *Генеалогия и развитие феодализма в России: Проблемы идеологии и культуры.* Л., 1987. С. 140—154.

⁶⁰ «Антимосковская по своему духу боярская политика располагала лишь шаткими средствами дипломатии и социальной демагогии. Лишенная поддержки со стороны широких народных масс, она балансировала на тугом канате», — справедливо замечает новейший исследователь (*Янин В. Л.* Новгородские посадники. С. 346).